

ЖАН-ЛЮК НАНСИ (1940–2021)

НЕКРОЛОГ

23 августа 2021 года ушел из жизни замечательный французский мыслитель Жан-Люк Нанси. Внешняя канва жизни, называемая «биографией», зачастую мало или почти ничего не говорит о том внутреннем измерении человека, которое является его собственной, личной *историей*. Однако в жизни крупного философа можно явственно видеть нерасторжимое единство жизни и мысли, истории и биографии, примером которого является вся жизнь Нанси.

Жан-Люк Нанси родился 26 июля 1940 года, в уже оккупированной, подвергшейся вторжению *чужеземных* армий Франции, а после войны он провел значительную часть своих детских лет в Германии, где немецкий язык стал *другим* его родным языком. Студенческие годы, а затем и вся профессиональная жизнь Нанси прошли в Страсбурге — самом нефранцузском из всех французских городов, столице Эльзаса, *пограничной* в полном смысле этого слова области, а ныне — столице Европы, непередаваемое своеобразие которого объясняется тесным переплетением эльзасских, немецких и французских культурных традиций. Огромное влияние на формирование Нанси как философа оказал май 1968 года, ставший переломным событием, разрывом традиции, *возобновлением истории*. К событию мая 1968 года Нанси постоянно возвращался как своих произведениях, так и в личных беседах. Наконец, следует упомянуть операцию по пересадке сердца, и последующую жизнь с *другим* сердцем, которая стала в жизни Нанси предельным и во многом страшным опытом, который он с поразительной философской ясностью и удивительным человеческим мужеством осмыслил в таких своих книгах как *Corpus* и *L'intrus* («Чужеземец»)

Таким образом, можно видеть, что любой отрезок жизненного пути Нанси уже несет в себе такие понятия как *разделение* (partage), *предел* (limit), *другое* (autrui), являющееся — опять-таки в пределе — *чужим*, не поддающимся осмыслению в логике тождества, на манер гегелевского «своего другого», инаковость

которого уже растворена в наивысшем тождестве понятия. Но здесь же мы видим и рабочий инструментарий Нанси как философа, применяемый им в той философской работе, которую принято называть «деконструкцией», включающей в себя весьма различные философские практики, единые, однако, в общей стратегии поиска *различия* там, где в наличии мы имеем тождество, и *другого*, скрытого под личиной «своего» (*soi*). При этом, как постоянно подчеркивал в своих лекциях Нанси, деконструкция вовсе не деструктивна, в том смысле, будто бы единственной ее целью является демонтаж сложившихся в истории мысли концептуальных построений. Деконструкция демontiрует устойчивую структуру *значений*, высвобождая тем самым пространство *смысла*. Это различение значения (*signification*) и смысла (*sense*), которое Нанси последовательно провел в своей работе *L'oubli de la philosophie* («Забвение философии»), является как предпосылкой, так и целью работы деконструкции. Смысл открывается только на *пределе значения*, и поэтому мыслить — значит всегда мыслить на пределе. Но поскольку, как говорит Нанси, мысль возможна только на пределе, то предел мысли и есть основание самой ее возможности. Удивительным образом мы можем расслышать здесь созвучие с онтологическим аргументом св. Ансельма, согласно которому пределом мышления выступает то, «больше чего нельзя себе представить», и что, следовательно, выходит за горизонт какого-либо представления и актуально превышает любое содержание нашей мысли. Поэтому вовсе не удивительным нам кажется замечание Жака Деррида, старшего друга Нанси, о том, что деконструкция, возможно, является свидетельством и мученичеством веры в условия *fin de siècle*. Опыту мысли не пределе посвящена книга *Une pensée finie* («Законченная мысль»), одна лучших работ Нанси, а на мой пристрастный взгляд — лучшая.

Невозможно охватить смысл тождеством понятия, включив его в ту или иную концептуальную иерархию, поскольку он тут же рассыпается в *множественную сингулярность*, неопишущую в логике сущности. Сингулярность — это не хорошо знакомое нам «единичное», являющееся неразстворимым осадком возгонки «всеобщего». Нет, по словам Нанси, сингулярность есть «точечная актуальность», которая вообще находится вне классической оппозиции общего и единичного. Можно сказать, что сингулярность есть единичное, освобожденное от диктата «общего». Смыслом человеческого *сообщества* (*communauté*) является эта множественная сингулярность (*être singulier pluriel*), природу которой Нанси исследует в книге *La communauté désœuvrée* («Непроизводимое сообщество»), наиболее известном его произведении. Мыслить сообщество — значит мыслить коммуникацию не как связь, а как *разделение*

(partage), ибо корнем всякого *со-общества* выступает невыразимое ни в языке, ни в мысли «со» (com), рассеивающее всякую тотальность, поскольку оно является самой диссеминацией, чистым различием. Все тоталитарные идеологии и движения, мнящие себя специальными уполномоченными от Истории, Нации, Класса, Государства, или даже — Общества, так или иначе стремятся устранить это невербальное «со». Однако добиться этого можно только в том случае, если все человеческое в человеке будет вырвано в-месте с корнем, если будет уничтожена сама *со-вместность* человеческого существования. Вместе с тем, как подчеркивает Нанси, даже в страшных условиях нацистских и коммунистических лагерей сообщество не перестает сопротивляться удушающей его имманентности какой-либо Идеи, ставшей материальной силой, поскольку это сопротивление есть *condition humaine*, само условие человеческого существования.

Разрыв имманентности — открытость *другому* — есть *великодушие*, как способность принять другого в лице чужеземца или пришельца, не пытаясь при этом как-то его «освоить», заключив в круг своих представлений. Именно великодушие наиболее полно характеризует Нанси как человека, в его всегдашней открытости, в способности понять другого, не подводя его при этом под какое-либо априори данное понятие. В нем не было ничего «субстанциального», с накинутой на него как на чучело профессорской мантией. В его отношении к людям не было никакого учительства, а в его речи нельзя было расслышать ни малейших ноток назидания и менторства. Именно поэтому в общении с Нанси каждый чувствовал себя свободно, и как следствие этого, был хотя бы чуточку умнее, чем обычно.

Мыслитель Жан-Люк Нанси есть *событие*. Но событие, как не уставал повторять Нанси, означает отсутствие начала. Поэтому мы можем сказать, что исток события — в непредставимом будущем. Именно этому будущему, а не прошлому, принадлежит мысль Нанси.

Руслан Лошаков